

Электронная библиотека
Гражданское общество в России

А. Аузан

Кризис и дискуссия об общественном договоре

Электронный ресурс

URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Auzan_49.pdf

Перепечатка с сайта Московской школы
политических исследований

<http://msps.ru>

URL: <http://www.civisbook.ru>

*Александр Лузан,
президент Института
национального проекта
“Общественный договор”*

*Кризис и дискуссия об общественном договоре**

Поскольку речь пойдет о кризисе, я бы сказал так: современный кризис — это своеобразный рентген, который показывает, что реально происходит с экономикой в разных странах, в том числе и в России, обнажив наши внутренние проблемы. Хотел бы сослаться в этой связи на прошедшие недавно 4-е Ходорковские чтения, где было 3 «круглых стола», в одном из которых принимали участие разные по взглядам экономисты (Сергей Алексашенко, Михаил Делягин, Никита Кричевский, Сергей Гуриев, Ирина Ясина и другие). На заданный мной в ходе дискуссии вопрос, может ли Россия, выходя из кризиса, вернуться к статус-кво, большинство из них ответило, что это практически невозможно. Гуриев же заметил, что такая возможность существует, не в смысле того, что доходы позволят нам жить, как раньше, а в том смысле, что страна может попытаться сохранить те отношения, которые сложились в ней на момент кризиса, а Алексашенко развил эту мысль, сравнив Россию с Аргентиной.

Напомню, что Аргентина по уровню валового дохода на душу населения в первой половине XX века конкурировала с США и еще 60 лет назад входила в первую десятку стран мира, а сейчас не входит даже в первую сотню. Поэтому есть все же вероятность, и ее нельзя не учитывать, что наша страна, как и Аргентина, попытается сохранить сложившиеся структуры, которые я не могу назвать институтами, потому что реально институтов в России почти нет.

Итак, исходной точкой для моего последующего рассуждения я бы взял любимую фразу Людмилы Михайловны Алексеевой: все рано или поздно устроится более или менее плохо. Эта мудрая мысль точно соответствует одной из базовых теорем современной экономической теории, теореме Коуза, в соответствии с которой при положительных значениях транзакционных издержек и неравномерном распределении

* Выступление на семинаре Московской школы политических исследований в Голицыно 7 июня 2009 г.

богатства вы не получите эффективно-го равновесия и будете подвергаться отрицательному влиянию внешних факторов. Поэтому если полагаться на инерционную линию развития при высоких транзакционных издержках из-за барьеров в разных областях экономической и общественной жизни, учитывая, что с распределением богатства у нас тоже не очень просто, то мы должны понимать, что сохранение статус-кво будет означать сползание страны на мель. Из каждого очередного цикла повышения цен на углеводороды Россия будет выходить все слабее, подобно Аргентине, терявшей свои позиции на сельскохозяйственных рынках. А этого, конечно, не хотелось бы. Вот тут и возникает вопрос об институтах, а точнее, о связи экономических и политических институтов. Так как уже признано, мы не диверсифицировали экономику и не выстроили институты, и рассчитывать на то, что у нас снова будет много денег в ближайшие 50 лет, как выразился министр финансов Кудрин, за что его критикуют, не приходится. Это не значит, что кризис будет продолжаться 50 лет, почему-то журналисты так его поняли. Вовсе нет. Это означает, что «халявы» в прежних масштабах не будет.

Поэтому, когда заходит речь о модернизации, надо иметь в виду не только экономическую модернизацию, но и социокультурную, без которой мы опять можем войти в штопор. Собственно экономическую модернизацию Россия уже несколько раз пыталась совершить, страна поднималась, ударялась о потолок и падала или сползала.

Дискуссия о связи модернизации с необходимостью определенных изменений в политических институтах выразилась, как известно, в последние месяцы в том, что вдруг стали спорить об общественном договоре. Для меня это радость. Я уже 10 лет говорю об обще-

ственном договоре. Общественный договор это в общих чертах взаимное согласие власти и населения по поводу основных прав собственности и свободы. И мне бы радоваться, что теперь все говорят про общественный договор — президент Медведев, главы Администрации президента Владислав Сурков, политологи, историки. Давайте разберемся, из-за чего все-таки вспыхнул спор и как это связано с кризисом.

В декабре 2008 года в Институте современного развития — это независимый исследовательский центр, председателем попечительского совета которого является Дмитрий Медведев, а председателем правления — Игорь Юргенс, — мы подводили итоги года, и я, естественно, говорил о воздействии кризиса на общественный договор. Я утверждал, что 5 лет политический режим в России стоял на простой формуле: обмен политических прав населения на стабильность, которую обеспечивала власть. Лояльность в обмен на стабильность. В условиях сколько-нибудь длительного кризиса эту конвенцию невозможно сохранить, потому что стабильность уходит. Дискуссия продолжается по поводу того, насколько долгим будет кризис: вдруг удастся на одном крыле перемахнуть через пропасть? Должен заметить, что большинство членов правительства, по-моему, придерживается именно этой надежды. Я же принадлежу к тем экономистам, которые считают, что кризис будет продолжаться, и поэтому прежняя формула общественного договора не работает. Учитывая, что в России адаптивное, очень терпеливое население, полгода, может быть, серьезных напряжений не возникнет. Но из этого не следует, что в эти полгода надо вести себя по принципу «все Ок!». Надо подходить, наконец, к каким-то реальным изменениям.

Напомню: об общественном договоре говорили и писали в конце 2008 — начале 2009 года многие экономисты и политологи, полагая, что формула «лояльность в обмен на стабильность» больше не работает. И все было более-менее спокойно до марта. А в начале марта в дискуссию на форуме «2020» вступил Владислав Сурков, который сказал, что эта формула соблазнительно проста и поэтому не верна. Не надо, мол, уподоблять великую нацию Исаву, который продал право первородства за чечевичную похлебку. И грянуло — каждую неделю в газетах стали выходить критические статьи, бывшие в одни ворота — наши. В «Российской газете», в «Независимой газете» и т.д. И что удивительно, когда после выступления Владислава Юрьевича я дал Сергею Митрофанову интервью, оно неделю не выходит, другую, а потом выясняется, что интервью-то не пустили!

Откуда эта ожесточенность? От того, что это договор об ожиданиях по поводу прав собственности и свободы и общественных благ, но в то же время и о легитимности государства. Поэтому люди, которые стоят по служебному своему положению на охране государственных интересов, вынуждены дискутировать. Для них объявление, что уходит прежний общественный договор, означает, что прежняя легитимность теряется. И нам деваться некуда, я имею в виду экономистов, социологов, политологов, которые занимаются проблемами модернизации, потому что общественный договор не только про легитимность государства, но и о будущем страны.

Сошлюсь на достаточно свежее исследование Всемирного банка, оно вышло накануне кризиса в 2008 году. Тогда работала так называемая комиссия по экономическому росту, в которую входили отставные президенты и премьеры и большое количество видных экономистов. Они исследовали 13

стран, которые в течение 25 лет давали среднегодовой темп роста не ниже 8%. Это очень разные и далеко не все демократические государства. В результате были выделены 5 общих факторов роста. Некоторые из них вполне предсказуемы: политико- и макроэкономическая стабильность, рыночные способы распределения ресурсов, инвестиции в человеческий капитал. А кое-что было неожиданным и говорит о несомненной роли общественного договора в формировании стратегии, так как оказалось, что все эти страны тем или иным способом достигают того, что комиссия назвала национальным консенсусом по поводу долгосрочных целей развития, включая и нормы накопления. Норма накопления — это то, что из доходов инвестируется в расширение производства, без чего невозможно развитие.

Например, в Индии норма накопления — 30%, в Китае — 40%. Россия за 5 лет с трудом дотянула до 21%, притом что для простого воспроизводства основных фондов, унаследованных от СССР, нужно 25%, а для модернизации — от 30 до 35%. Так что с прежним общественным договором мы можем вылететь из числа стран группы БРИК. Когда мы начинаем смотреть на другие страны, то обнаруживаем, что нет такого, чтобы в Западной Европе был обязательно горизонтальный контракт (то есть когда граждане договариваются между собой, а потом нанимают государство), а, скажем, в Восточной Европе или бывшей Российской империи — непременно вертикальный, когда граждане не могут между собой договориться и государство заведомо решает, какие будут правила игры. В Германии во времена нацизма разве был горизонтальный контракт? Или во Франции Людовика XIII? Разумеется, нет. При этом замечу, что я не могу поддержать оптимистическую точку зрения, что рано или поздно все стра-

Роберт Моррис. Лабиринт. 1974

ны приходят к горизонтальному контракту. Все гораздо сложнее. Увы, в мире не происходит такого мощного процесса, который ведет к горизонтальному контракту и демократическому устройству. Почему? Ответ можно получить, рассуждая не в терминах «люблю — не люблю демократию», а в терминах общественного договора. Именно он позволяет говорить о спросе, предложении, об издержках, о выгодах тех или иных групп людей, не говоря уже о характере распределения общественных благ. То есть, другими словами, спрос обычно возникает на ту или другую структуру государства. Например, скандинавские страны явно отличаются по содержанию общественного договора от Франции и Гер-

мании. Эти отличия не из вертикального или горизонтального принципов контракта, а из того, как люди получают общественные блага и сколько благ. 200 лет как минимум среди экономистов существовало заблуждение: считалось, что только государство производит общественное благо. Оказалось, однако, что это не так. Я люблю ссылаться в этой связи на нобелевского лауреата Рональда Коуза, который написал блестящую работу «Маяк в экономической теории»*; с этого и начался поворот во взглядах.

Он заметил, что все великие английские экономисты приводили один и тот же пример, говоря о необходимости государства. Они утверждали: если бы не правительство, то никто не

* См.: Ronald H. Coas. *The Firm, the Market and the Low*. — Chicago: University of Chicago Press, 1988. — Прим. ред.

строил бы в Англии маяки. Любому понятно, что без маяков нет судоходства, торговли и т.д. Так вот, Коуз пошел в архив Британского адмиралтейства и стал выяснять, кто на деле строил маяки. Оказалось, что ни один маяк не был построен правительством Англии. Они строились гильдией капитанов судов, ассоциацией судовладельцев, местными сообществами. Да, потом они их передавали в управление Адмиралтейству, но строили сами, не государство это делало. У Фридриха Хайека есть сходное исследование о денежных системах. В учебниках пишут: Екатерина II ввела в России бумажное денежное обращение в форме ассигнаций. А ведь мы пользуемся банкнотами, которые были когда-то частными расписками. Можно посмотреть и на полицию.

Вроде бы полиция — совсем государственное дело. А знаете, кто впервые создал альтернативную государственной систему сыска? Алан Пинкертон, создавший в США в середине XIX века свое детективное агентство. А пожарная охрана? Она может быть государственной, может быть страховой, то есть, по существу, как бизнес устроена, а может быть добровольной, как институт гражданского общества. Нет предопределенности; отсюда, повторяю, такое разнообразие видов общественных договоров. Поэтому разговор про то, что если родился при горизонтальном контракте — будешь жить при нем, а если родился при вертикальном, то при нем и останешься, неправильный разговор. Все зависит от того, могут ли люди сами производить общественное благо или полагаются во всем на государство. Или делают еще хитрее, как в Скандинавии и в Нидерландах, где используют дешевую государственную машину для сбора налогов, а потом по тендеру передают часть их некоммерческому сектору,

чтобы он оказывал услуги. В Нидерландах 17% валового внутреннего продукта создается некоммерческим сектором.

Вертикальный/горизонтальный контракты переходят друг в друга, и нельзя сказать, что один побеждает, а другой отмирает, у каждого есть свои плюсы и минусы. В чем плюс авторитарных режимов? В них очень дешево входить. Выходить потом тяжело. Зато в демократию входить очень дорого и сложно. Демократия — разорительная система, по первоначальным инвестициям. Если у населения нет готовности к таким инвестициям или просто нет возможности их сделать, то формируются авторитарные режимы, как во многих странах.

Теперь вопрос из сказанного: обречены ли мы жить так, как нам заповедали наши предки? Нет, конечно. Но при этом автоматического выплывания из создавшейся ситуации не будет. В мире совершенства нет, но выбор есть, и в известном смысле у нас он уже сделан. Я имею в виду нашу конституцию, поскольку она тоже имеет прямое отношение к дискуссии по поводу общественного договора и к позиции, которую в ней занял наш президент. У президента позиция такая: конституция есть общественный договор, поэтому не будем говорить о деталях устройства договора последнего пятилетия. Но хочу подчеркнуть, что кроме Руссо, на которого ссылался президент, есть и другой взгляд на конституцию — отцов-основателей США. Там тоже много чего было: гражданская война, рабство, отмена рабства. Но конституция-то 200 лет стоит. Отцы-основатели считали, что человек несовершенен и именно поэтому нужны институты, чтобы корректировать несовершенную природу человека. Современная институциональная экономическая теория подтверждает эту позицию, выделяя две очень важ-

ные характеристики человеческого поведения.

Во-первых, люди не боги, не всеведущи, и, во-вторых, не ангелы, так как склонны нарушать нормы морали, и это надо учитывать. Какое это имеет отношение к политическим институтам и конституции? Самое прямое, надо не забывать об «ограниченной рациональности» человека. За создание теории, учитывающей социально-психологические факторы,

влияющие на принятие решений, Герберт Саймон получил Нобелевскую премию. Суть в следующем. Он говорил, когда человек выбирает себе супруга (супругу), он же не закладывает в анализ миллиард особей, чтобы решить оптимизационную задачу. Все гораздо проще. Несколько случайных испытаний, установление уровня притязаний, и первая же персона, которая соответствует этому уровню притязаний, становится супругом (супругой), а брак они заключают на небесах.

И политические решения тоже принимаются в режиме ограниченной рациональности. Здесь тоже случайные испытания, установление объема притязаний, эффект мнения большинства, ограниченность информации, преследование собственных интересов и т.д. Эти особенности «спроса» и «предложения» должны учитываться конституционным договором.

Следует сказать, что конституционный договор устроен довольно-таки сложно. В теории это описали американцы Джеймс Бьюкенен и Гордон Таллок более 40 лет назад в книге «Расчет согласия». Они показали, что формирование общественного договора включает два уровня: сначала договор возникает как пакт элит или, если хотите, сговор, но в открытой, публич-

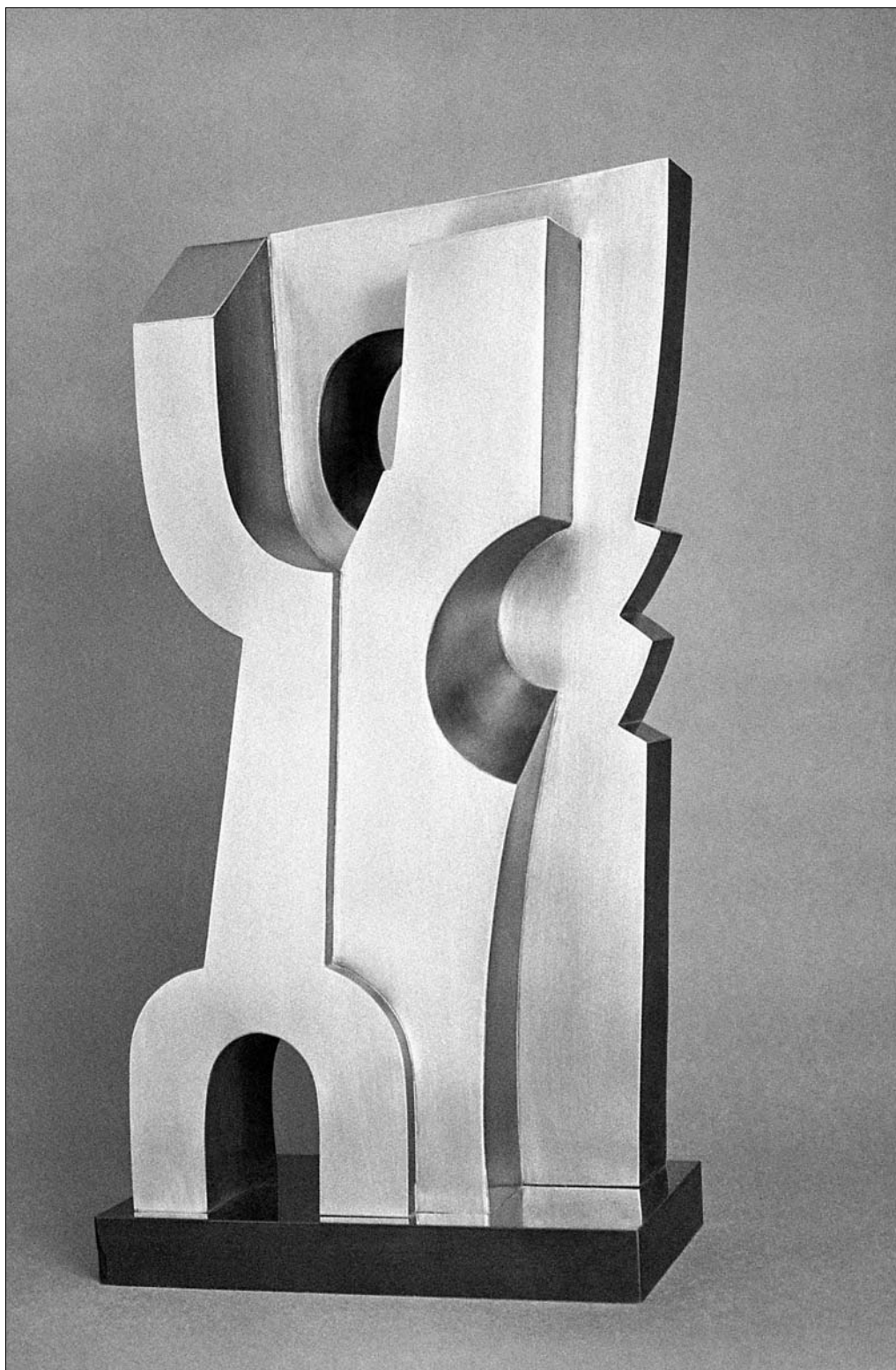
ной форме, потому что не могут миллионы граждан или даже сотни тысяч договориться между собой. Затем происходит установление отношений с широкими группами населения на ос-

*Мы не диверсифицировали экономику
и не выстроили институты,
и рассчитывать на то, что у нас снова
будет много денег в ближайшие 50 лет,
не приходится*

нове решения (это второй уровень договора) вопроса о производстве общественных благ: что людям нужно, на каких условиях, будут ли они сами их производить или заказывают государству, как будет оплачиваться их создание, потому что общественные блага бесплатно не производятся. Российская конституция 1993 года как пакт элит зафиксировала и предложила обществу важные вещи: права личности, разделение властей, федерализм, социальное государство (7-я статья).

Соответствовало ли это предложение спросу? Я полагаю, что да, соответствовало, но не реализовалось. Почему? Потому что второй уровень общественного договора предполагал создание общественных благ в обмен на налоги. Казалось бы, какая связь между конституцией и налогами? А налоги и есть ключевой вопрос о том, как работает конституционное устройство, если учесть, что люди склонны и демократию использовать в собственных интересах. Я понимаю трудности становления молодой российской государственности, когда в условиях острой политической конкуренции никто не решался предложить населению: вы будете платить за то, что хотите от государства, — политически это было очень рискованно. Поэтому социальное госу-

Джон Сторр. Композиция пустот. 1932

дарство в 90-е годы не реализовывалось. Да, вы можете получить какие угодно общественные блага, но тогда, как в скандинавских странах, обязаны платить большие налоги. Либо сами решать свои проблемы, как американцы, и тогда налоги будут меньше, хотя и там они довольно высокие.

Из-за того, что спрос на общественные блага в нашей стране в 90-е годы был очень большой, все политики, разумеется, давали обещания, что их будет больше и больше, но платить за них было некому. Вот и получилось, что сначала на политический рынок пришли популисты, потом «денежные мешки», чтобы этих популистов потеснить, покупая голоса, а затем на конкуренцию «денежных мешков» ответили административным ресурсом. В итоге нет ни разделения властей, ни прав, ни федерализма; возникли проблемы так называемого ухудшающего отбора в государственном управлении, в результате чего нынешний чиновник заметно хуже, чем чиновник 2000 года, нынешний парламентарий заметно хуже, чем парламентарий 2000 года и так далее.

Перехожу к самому горячему вопросу — о «путинском договоре». Из-за чего сыр-бор? Политический аналитик Алексей Зудин опубликовал против нас, то есть сторонников пересмотра общественного договора, огромную статью в «Российской газете», очень интеллигентную. Он не занимался «охотой на ведьм», но при этом намекнул, что все эти разговоры про изменение общественного договора ведут к переворотам и революциям. Что «путинский договор» еще в 1999 году выражал стремление к порядку. Действительно, Алексей Юрьевич прав, в 1999-м и в 2000-м все было так. Известная программа реформ первого путинского срока, программа Грефа, в преамбуле содержала формулу «налоги в обмен на порядок». Это правда.

После революции возникает обязательно спрос на порядок. Но давайте поймем: порядок и стабильность — одно и то же? Порядок это предсказуемость правил. Предсказуемость достигается на основе правопорядка, говоря словами Дугласа Норта, знаменитого экономиста: государство — это агентство по производству услуг «безопасность и правосудие» в обмен на налоги. Да, такая задача у нас была поставлена. Но была она решена? Нет. Смотрите, в 2000-м, 2001-м годах обследования показывали, что если человек платит налоги, то он дает меньше взяток, а в 2005 году выяснилось, что уже нет такой зависимости. Платите вы налоги, не платите, розовенькую рубашку наденете или голубенькую, взятки с вас все равно снимут в том объеме, в каком сочтут это необходимым. Но это и означает, что в 2000 году мы были на входе в реформы, и в той степени, в какой правопорядок существовал, вы понижали свои коррупционные расходы. А в 2005-м уже не так. Поэтому, я полагаю, что с 2003 года произошло реальное изменение формулы. Почему не сделали то, что вроде бы делали? Потому что кроме спроса на общественные блага, на характер общественного договора влияют еще, причем и при демократии, и при авторитаризме, частные выгоды и издержки тех групп, которые осуществляют функции государства. Разумеется, и там, и там идет борьба за активы, но только разные: там за электоральные, а здесь — за гораздо более материальные активы. И что произошло? Да не нужно было новым группам, которые продвинулись во власть, установление правопорядка, потому что тогда «перепилить» активы будет очень сложно, дорого. А вот если его не устанавливать, то пожалуйста. Поэтому я утверждаю, что у нас был вход в правильном направлении, но потом сработали как реальные трудно-

сти, которые были решаемы, так и реальные интересы, которые при существующей эволюции конституционного режима были уже непреодолимы. И мы вошли в ловушку договора «лояльность в обмен на стабильность», когда развитие невозможно, так как это виртуальный договор, а не политический, в нем нет обратной связи. Через телевизор в одну сторону сигнал хорошо проходит, а в другую как-то не получается. И в 2005 году выяснилось, что невозможно проводить структурные реформы без обратной связи, мы это доказывали президенту Путину. История с монетизацией это показала. Но вывод был неожиданный: ну, раз нельзя — значит не будем проводить реформы. Наш российский корабль будет плыть благодаря тому, что ветер уж очень попутный. Теперь нет попутного ветра, теперь кризис.

Я не знаю, какой будет новый общественный договор, но вижу три варианта. Первый, вероятность которого несколько понизилась, но может и повыситься, — это мобилизационный вариант. Прошлой осенью он был очень вероятен. Это попытка сделать скачок, концентрируя инструменты в руках государства. Я про это писал и говорил тогда, так как считал, что должен сказать, что будет в этом случае. А будет как после Петра I или Иосифа Сталина: скачок, подрыв ресурсов и сползание. Могу объяснить почему: у государства есть одно конкурентное преимущество — у любого, неважно, бельгийского, гвинейского, американского, российского, — это организация общественной жизни с применением насилия. Когда в процессе модернизации оно начинает использовать эту свою конкурентную черту, то понятно, что начинается изъятие ресурсов, концентрация их. Эффективности здесь быть не может, потому что когда ресурсы можно отнять, они практически ничего не стоят, их не

экономят, вы эффективность не обеспечите. Концентрацию ресурсов обеспечите, а эффективное их использование — нет, поскольку первое, что будет подорвано, человеческий потенциал. Но я считаю, что сейчас вероятность такого варианта развития событий ниже, чем полгода назад. Накопленные за «тучные годы» ресурсы тают, а решимость забрать у кого-нибудь ресурсы еще не наступила.

Второй вариант, о котором говорят некоторые мои коллеги, Евгений Гонتماхер например, что нам нужен «пакт Монклоа», новый пакт элит. Да, в модернизации Испании «пакт Монклоа» 1977 года сыграл колоссальную роль. Фактически это была договоренность постфранкистских и коммунистических сил о сохранении единства страны, о сотрудничестве, о принятии на себя добровольных ограничений. Есть ли смысл сейчас в таком пакте? Не знаю. О чем он должен быть? Об условиях политической конкуренции, которой у нас фактически нет? Испанцы, как известно, ввели своим пактом ограничение заниматься публичными расследованиями и оценками гражданской войны 1930-х годов. Хотя конституция этого не запрещает. А вот договорились — не трогать, потому что иначе пошатнется общественный договор, по которому страна уже 30 с лишним лет живет. А в сегодняшней России о каком ограничении может идти речь?

Ведь что меня на самом деле волнует? Чтобы выросли политические субъекты, на мой взгляд, недостаточно дать свободу создания партий. В 1990-е годы в строгом смысле слова у нас их тоже не было, за исключением, может быть, КПРФ, которая в большей мере, чем все остальные, оставалась партией. А сегодня? Агентом каких групп интересов является та или иная партия, с какими группами населения она работает и как контролируется? Поэтому договорятся они об ограничении

ях, не договорятся, это не создает реальной связи с тем, как живет страна. Следовательно, необходимо выращивание такой связи через гражданские, неполитические институты, когда партии наверняка почувствуют свою ответственность перед гражданскими организациями. Поэтому я полагаю, что есть третий вариант вхождения в новый общественный договор, который мы и попытались

предложить президенту Медведеву в апреле. Мы его называем «широкая антикризисная коалиция», над ним работали разные люди — Игорь Юргенс, Элла Памфилова, Сергей Карганов, Федор Лукьянов, Елена Панфилова, Ярослав Кузьминов и другие политологи и экономисты.

Почему «широкая антикризисная коалиция»? Большие кризисы всегда вызывают потребность в коалиции. Как известно, в годы депрессии президент Рузвельт тоже ее создавал, очень странную на первый взгляд, потому что в нее входили и либеральная интеллигенция крупных городов, и цветное население, и католическое меньшинство, и профсоюзы, которые в 1920-е годы в США считались криминальными организациями. А он и их за стол посадил! Благодаря этому, через широкую антикризисную коалицию вырос так называемый Великий компромисс, то есть тип общественного договора, который соблюдался до конца 1960-х годов. Я уверен, сейчас всюду будут искать нечто похожее, особенно если кризис будет затягиваться. Не только во Франции или в Америке, где Обама, кстати, уже ввел республиканцев в правительство, Саркози у социалистов перехватывает лозунги, так как там работают нормальные политические механизмы. А у нас их нет. И их нельзя создать за ночь.

Новые активные группы, они где? Не олигархи или губернаторы, про олигархов скоро вообще разговор будет уже малоинтересным. Для меня большой вопрос, существует ли еще их

Нужна новая стратегия в отношении гражданских неполитических институтов и в отношении среды для развития малого и среднего бизнеса

первое поколение? Второе-то существует, освоившее формы государственных компаний. А много ли губернаторов, которые обладают личной политической легитимностью? Оптимисты говорят: десять, не больше, а мне кажется, еще меньше — семь. Поэтому речь не про губернаторов и олигархов и не про возврат к прежним активным группам, которые были маргинализированы. Где их искать, эти группы, без которых ни выход из кризиса не получится, ни модернизация тем более? А там, где их еще не уничтожили, в гражданском неполитическом секторе, который сегодня, конечно, слабее, чем в 2000 году, но он жив. А также в малом и среднем бизнесе. Кризис как рентген, я думаю, скоро высветит эти группы в регионах. Возможно, уже осенью.

Поэтому две вещи нужно делать. Нужна новая стратегия в отношении гражданских неполитических институтов, и нужна новая стратегия в отношении среды для развития малого и среднего бизнеса. И хотя это отдельная тема, мы этим занимаемся. Я, в частности, работаю над проектом изменения среды для малого и среднего бизнеса, знаете, где? В Республике Казахстан. Мы там это делаем, потому что там нас об этом спрашивают. Но мы делаем то, что, на наш взгляд, не просто необходимо, но и применимо в России.